«ЗЕМЛЯ ПРОМОЛВИЛА ЗЕРНА...»

В МИРЕ КНИГ

И до этой книги русский читатель прекрасно знал Юстину Марцинкявичюса, но главным образом — как поэта эпического, автора поэм, стихотворных драм. Теперь мы имеем возможность познакомиться с Марцинкявичюсом-лириком.

Книга стихов «Жизнь, сладкий июль» составлена не по типу очередного сборника, а по типу Избранного. Почти тридцать лет поэтической работы: с начала пятидесятых до конца семидесятых. Так как под всеми стихами стоят даты, то мы замечаем, что лирический сюжет развивается хронологически, с редкими отступлениями от этого порядка. Иногда рядом поставлены стихи, разделенные десятием — пятнадцатью годами. Этими перестановками поэт подсказывает нам, что же он пытался выразить когда-то и к чему вернулся гораздо позже, чтобы поправить себя и сказать яснее.

Это показательно для Марцинкявичюса, что он имеет возможность договаривать сказанное, возвращаться к своему прошлому. Поэт меняется, значительно меняется, но во всех переменах сохраняет узнаваемое выражение лица. Прочитываешь сборник, и остается убеждение, что с тобой все время говорили об одном, углубляя понимание, разнообразя аргументы, способ поэтического выражения, но не меняя — в главном — своей темы.

Удачное название всегда многое может объяснить — «Жизнь, сладкий июль». Но если продолжить метафору, — разве только летний праздник жизни известен и дорог поэту? Разумеется, нет. Но есть преобладающее ощущение, и у Марцинкявичюса властвует чувство жизни, непрекращающейся, озаренной светом, исполненной силы.

Напряженная память, кругами расходящаяся память — вот тема книги, вот ее лирический нерв. Сначала всплывают реальные воспоминания, картины детства. По мере того, как они приобретают отчетливость чувства и зрения, возрастает лирическая сила, все более подчиняющая себе читателя.

Итак, сначала — то, что видел, то, что помнит, но затем поэтическое воспоминание принимает другое направление, уходит от личных впечатлений. Оно погружается в бытие народной жизни. Как эта жизнь отзывается, как доходит до нас? Прежде всего через слово, ежедневно звучащее, неузнаваемое, и дело поэта — понять его, наполнить смыслом:

Хлеб — на полях.

Слова — на губах.

Как просто и как тепло!

Имя посеяли губы.

Земля промолвила зерна.

Птица взошла — светло!

Как странно! — поэтически странно! — распределены понятия. Слова посеяны — как

хлеб. Земля говорит зернами — как словами. Птица всходит — как хлеб и светит — как солнце. Слово, родственное птице, зерну, оно такое же живое, светящееся мыслью, которой предстоит овладеть:

Во ржи цветущей, спеша,

зреет моя душа

и учится слову «отчизна»...

Два центральных раздела в книге: «Осенняя жертва» и «Литва: хлеб и звезда». В первом — угадывание тех скрытых глубин народного сознания, которые прозревает поэзия. Мы теперь часто говорим по этому поводу: языческое ощущение земной радости, полноты жизни. А затем это ощущение, почти неуловимое, кто знает, как далеко уходящее своими корнями в историю, прорастает в современность, обретая отчетливое имя — «отчизна», «Литва». На звук ее голоса откликается поэт:

из сказок словами

мамиными.

давным-давно жили-были

из песен моим голосом:

ой, люли-люлюшеньки

молоком из глиняных

кувшинов

из прялок и крестов

солнышками

из глаз слезами

из злости косами

говорила говорила говорила

сколько веков прошло

пока я услышал тебя

Поэзия Ю. Марцинкявичюса, выросшая из своего языка, из народных представлений и истории, необычайно сложна для перевода.

Разнообразную интонацию Марцинкявичюса верно чувствует такой мастер, как Д. Самойлов, умеющий сохранить звучание стиха и в его напряженном ритме, и при некоторой его расслабленности, когда иной переводчик впал бы в прозаизм, сбился почти что на подстрочник. Надо сказать, что влияние Д. Самойлова, не только переводчика, но и самостоятельного поэта, порой сказывается в переводах Г. Ефремова, чей вклад в книгу значителен и по объему сделанного и по тому, как выполнена работа. Немного, но интересно представлен Ю. Левитанский, почувствовавший у Ю. Марцинкявичюса одухотворенную зыбкость мира в тот момент вечного общения, «когда видят друг друга человек и предмет».

Именно так: «видят друг друга...». Мир и человек поставлены лицом к лицу, ведут диалог, устанавливают взаимное родство, связующее круг природных явлений. Какую же роль отводит поэт человеку: учиться естественности, припоминать ее в себе? Нет, человек — не только ученик. Он равно необходим природе, как и она ему. Только его присутствием, его словом соединяются времена: он удерживает в памяти то, что было, он живет заботой о том, что будет.

А поэзия? Она хранительница слова, а значит, и памяти. В этом — убеждает нас Юстина Марцинкявичюс — ее значение и достоинство.

г. Москва. И. ШАЙТАНОВ.